

On the example of the Ugric (Khanty and Mansy) the author exposes the most important points of contact of these peoples with colonists-migrants. First of all these relations formed during the realization of «yasachnaya» politic. Joint economic activity and trade. Occurring every there aborigine's entry into service class leaded to the radical turn of their world outlook. Since the late 16<sup>th</sup> till the middle 17<sup>th</sup> was founded the basis of mutual good change of cultural values between the colonists and the native people of this land.

© 1998 г., ЭО, № 3

**А.А. Сирина**

### **ВОЗВРАЩАЯ АБОРИГЕНАМ ЗЕМЛЮ**

**(Северная Территория Австралии)\***

Опыт борьбы австралийских аборигенов за экономические, земельные и политические права, ее успехи и неудачи представляют большой интерес для российской аудитории как один из возможных путей и способов решения проблем, возникающих в результате контактов так называемых аборигенных обществ с обществами европейскими, урбанизированными. Эти контакты возникают в период колонизации и продолжаются в ходе последующих миграций. Такие контакты известны во всем мире, и возникающие проблемы решаются по-разному в США и Канаде, России и Австралии. Это обусловлено историческим своеобразием колонизации различных регионов мира, ее особенностями, связанными с комплексом разнообразных факторов, начиная от географических, природно-климатических условий колонизованных территорий, этнического своеобразия населяющих эти земли народов и заканчивая особенностями государственного устройства, экономической системы и земельных отношений колонизирующего этноса.

Австралия сделала крутой поворот в аборигенной политике в 1972 г., когда к власти пришло лейбористское правительство Г.Э. Уитлэма. От политики, в которой последовательно сменились истребление, контроль, ассимиляция и патернализм, государство перешло к политике аборигенного самоуправления и самоопределения. Ее началу предшествовала поддержанная белыми энтузиастами борьба австралийских аборигенов за признание земельных прав. При этом предполагалось, что традиционные земельные нормы аборигенов ко второй половине XX в. в значительной степени сохранились, несмотря на то, что многие их группы были физически уничтожены, рассеялись вне родовых территорий, мигрировали, смешались с другими группами населения.

В данной статье я хотела бы проанализировать опыт функционирования Закона о земельных правах аборигенов Северной Территории 1976 г. на основе как литературных источников, так и собственных наблюдений и впечатлений, сделанных в Австралии в 1994 г. Работа велась в Северо-Австралийском исследовательском центре (г. Дарвин) на средства, выделенные Австралийским национальным университетом. Неоценимую помощь мне оказали австралийские социальные антропологи Д. Роуз и Д. Льюис.

Хотя еще в 1985 г. общество не было готово к такому шагу, как возможность дарования аборигенам по всей Австралии земельных прав (из выборочно опрошенных австралийцев 18% высказались «за», 52% были «слегка против» и 24% –

---

\* Выражаю признательность О.А. Артемовой и В.А. Шнирельману за предварительное прочтение статьи и сделанные замечания.

полностью против такого дарования<sup>1</sup>, очевидно, что почти двадцатилетний опыт решения земельных проблем на Северной Территории Австралии подготовил почву для разработки и принятия Закона 1993 г. о праве собственности аборигенов (Native Title Act 1993). Историческим решением от 3 июня 1992 г. Верховный суд Австралии признал законность существования прав собственности аборигенов и островитян Торресова пролива, подтвердив, что Австралия никогда не была «пустой землей» (*terra nullius*), ею всегда владели аборигены на основе их традиционных норм и правил.

Австралия состоит из шести штатов и двух территорий. Площадь Северной Территории 1 346 200 км<sup>2</sup>. Север территории близок к экватору, на юг она протянулась примерно на 1 600 км, через джунгли, саванны, полупустыни и пустыни. С запада на восток в наиболее широкой части Северной Территория простирается на 950 км. Административный центр – город Дарвин<sup>2</sup>. К 1991 г. численность населения Северной Территории составила 175 815 чел., из них аборигенов – 39 200 чел., или 22,7%. Всего в 1991 г. в Австралии числилось 265 459 аборигенов и жителей островов Торресова пролива, проживавших в основном в северной и центральной Австралии и на севере штата Новый Южный Уэльс<sup>3</sup>.

Аборигены Северной Территории представляют явный контраст с остальными слоями и группами населения австралийского общества. В их среде наиболее высок уровень смертности, наихудшее состояние здоровья, плохие жилищные условия, самый низкий экономический, социально-образовательный, профессиональный и юридический статус<sup>4</sup>. Они относительно мало урбанизированы, около 26% живут в сельской местности общинами, насчитывающими от 200 до 1000 чел. Австралийских аборигенов отличает невысокий уровень миграций (22%). Многие (до 79%) постоянно употребляют в быту родной язык<sup>5</sup>. Вследствие массового несанкционированного переселения аборигенов (в рамках движения самоопределения) из миссий, городов, скотоводческих поселений в пределы родной земли на Северной Территории к 1982 г. возникло 180 так называемых «внешних» поселений (из 200 известных к тому времени по всей Австралии) с числом населения 6000 чел.<sup>6</sup> В 1986 г. уже было 699 внешних поселений с числом аборигенов 13400 чел.<sup>7</sup> К настоящему времени их число еще увеличилось за счет выселившихся в результате деления «внешних» поселений общин. Значительная концентрация аборигенов и относительно высокая степень сохранности их культуры, необходимость законодательного урегулирования взаимоотношений жителей внешних поселений с собственниками земли, на которой они возникли, были одной из причин превращения Северной Территории с 1976 г. в настоящий испытательный полигон реализации новой земельной политики.

На Северной Территории сосредоточены значительные запасы естественных природных ресурсов – золото, вольфрам, олово, марганцевая руда, алмазы, бокситы, нефть, газ, уран. Горнодобывающий бум пришелся в Австралии, как и в США, Канаде, отчасти в СССР на 1960–1970 годы. В условиях неурегулированных земельных прав аборигенов начались их выступления против добычи бокситов на п-ове Гов, урана в Арнемленде и другие акции, поддержанные прогрессивной частью «белого» общества<sup>8</sup>, что вынудило государство и горнодобывающие компании значительно ускорить законодательное урегулирование взаимоотношений с аборигенным населением<sup>9</sup>.

И наконец, в условиях большой самостоятельности австралийских штатов особый статус Северной Территории был ключом к успешному введению и функционированию нового законодательства. Сначала она была частью Нового Южного Уэльса, позже – Южной Австралии. В 1911 г. она стала областью, управляемой федеральным правительством и известной как Северная Территория Австралии; в 1978 г. здесь появилось свое правительство. Решение многих вопросов перешло к Законодательной ассамблее и правительству Северной Территории, но федеральный парламент сохранил право принятия решений по вопросам горнодобычи (добыча урана), делам аборигенов, земельным правам и национальным паркам<sup>10</sup>. Комиссия под руководством Дж. Вудворда в течение нескольких лет работала над подготовкой нового

законодательства на Северной Территории в контакте с аборигенными общинами, юристами, антропологами, представителями промышленных компаний, государственными чиновниками. Был учтен также зарубежный, в частности канадский, опыт взаимоотношений государства и коренных жителей.

В результате Федеральным правительством был принят и Федеральным парламентом утвержден Закон о земельных правах аборигенов Северной Территории 1976 г. В начале 1980-х годов австралийскими штатами были приняты менее либеральные законы о земельных правах аборигенов<sup>11</sup>. Урегулирование земельных проблем происходит в рамках сложившихся за много лет колонизации реалий землевладения. Понимание необходимости их урегулирования есть часть системы безопасности капиталистического общества<sup>12</sup>.

Законодательство 1976 г. представляло собой пример приспособления традиционных земельных норм аборигенов (иногда реконструируемых) к европейско-австралийской законодательной системе. Законом 1976 г. были определены земли, которые можно требовать в собственность; установлен их статус; обозначены субъекты собственности; выработан механизм выполнения земельных исков; оговорены права и обязанности представительных органов аборигенов и т.д.<sup>13</sup>. Очевидно, что подобный закон не мог быть создан и не смог бы функционировать в дальнейшем без помощи антропологов – специалистов в области изучения культуры австралийских аборигенов, их традиционных прав, и в частности прав на землю.

Известно, что особенности землепользования обществ охотников и собирателей состоят в коллективном владении территорией, границы которой отличает некоторая размытость. В то же время эти территории по условиям традиционных норм и правил закреплены лишь в относительно постоянное пользование: в экстремальных условиях их можно менять на некоторое время. Кроме того, универсальными являются представления охотников и собирателей о земле как о некоей духовной субстанции, об одушевленных бытии и пространстве. Австралийские аборигены в этом смысле не исключение. В их территориальной организации хорошо обозначенные границы встречаются очень редко, особенно если учитывается больше чем один вид прав или интересов. Это означает, что «местности не может быть разделена на участки, подобные островам, и что практически любая граница является в большей или меньшей степени условной»<sup>14</sup>.

Наряду с универсальными аспектами культуры землепользования, характерными для охотничье-собирательных обществ, культура землепользования аборигенов имеет ярко выраженную «австралийскую» специфику: они связаны с определенной землей посредством особой социальной структуры и организации, а также через ритуально-религиозную ответственность в соответствии с концепцией Времени Сновидений и тотемизмом.

Исследователи выделили несколько социальных объединений аборигенов Австралии: племя, община, локальная наследственная группа (род), тотемическая группа, объединения представителей чередующихся поколений (эндогамные половинки, или система секций и подсекций), малая семья и др.<sup>15</sup> Каковы их состав, отношение к территории, кого следует считать собственником, как определить границы этой земли? Проблема усложнялась очень своеобразной системой родства, учитывающей не только действительное, но и классификационное родство, что проявлялось и в отношении к земле, правилах доступа к тем или иным территориям.

Хотя процесс возвращения земли австралийским аборигенам идет уже более 20 лет, жаркие дискуссии по вопросу о том, была ли у них в прошлом собственность на землю, не прекращаются<sup>16</sup>. Немало антропологов считают, что ее не было, поскольку, по их мнению, невозможно выделить субъект собственности и произвести ее (собственности – А.С.) отчуждение<sup>17</sup>. Однако возобладаало мнение о реальности собственности на землю у австралийских аборигенов, хотя и особого характера, отличного от европейского. Это послужило основой для законодательного урегулирования земельных проблем аборигенов. Учитывая, что ко второй половине XX в.

традиционные занятия австралийских аборигенов – охота и собирательство – уже во многом утратили свое жизнеобеспечивающее значение, а также более четкий критерий (в австралийских условиях) ритуального владения землей и возможности генеалогически проследить родственные связи с ней, в закон 1976 г. было введено понятие «традиционные собственники». Под ними подразумевались члены тех родов, которые в соответствии с существовавшей у аборигенов традицией являлись хранителями тотемических центров, расположенных в пределах определенных территорий. Чтобы добиться признания в качестве «традиционных собственников», аборигены должны представить генеалогические свидетельства в качестве одного из критериев справедливости их притязаний на конкретные территории. При определении «традиционных собственников» учитываются и другие основания: насколько точно претендент знает данную территорию; может доказать ее принадлежность его отцу или матери, которые родились и/или умерли в этом месте; осведомлен об инициациях мужчин, происходивших там в прошлом или совершаемых сейчас. Поскольку признаются и матрилинейные, и патрилинейные права на местность, группа людей, связывающая (ассоциирующая) себя с определенной территорией, не является строго патрилинейной группой. Для большинства районов севера Австралии идентичность человека и его первичные, приоритетные отношения к территории идут от отца, а все другие виды отношений имеют дополнительный характер. В то же время в некоторых районах, например в Западной пустыне, нет точных правил, утверждающих наследование территории именно от отца, а на островах Тиви оно ведется по материнской линии<sup>18</sup>.

Еще одним критерием обычного права аборигенов выступают знания о священных местах и церемониальная ответственность, связанная с ними. Согласно мифологии, священные места и церемонии были даны во Время Сновидений мифическими существами, которые воплотились в ландшафте. «Ландшафты наполнены местами, чаще всего имеющими названия, каждое из которых ассоциируется с одним или несколькими Сновидениями. Сновидения "делают" места. Когда Сновидения становятся частью ландшафта, говорится, что они "сделали себя сами", превратились в камни, холмы, деревья. Они могут быть большими или маленькими, постоянными или возобновляемыми, включая, например, особенности русла реки, биллабонг (озеро с дождевой водой. – А.С.), ровную поверхность, особенные камни или деревья... В районе Матаранка сильный акцент делается на единичных специфических объектах ландшафта как... воплощении фигур Создателей»<sup>19</sup>. Именно они дали закон жизни, воплощенный в земле<sup>20</sup>, церемонии, обычаи, обряды. Передача земли, таким образом, происходит на основе демонстрации духовной связи аборигенов с их территорией.

Общим моментом критики рассматриваемого законодательства стал тот очевидный факт, что выделение в качестве субъекта собственности так называемых традиционных собственников сужает круг людей, имеющих возможность практического использования этой земли и допускаемых к религиозным святыням данной местности. Законодательство не учитывает хозяйственную основу традиционного землепользования<sup>21</sup>.

Статус аборигенного землевладения, согласно законодательству, – коллективное наследственное неотчуждаемое земельное владение по типу фригольда<sup>22</sup>. Права собственности австралийских аборигенов на землю ограничены. Номинальным держателем (фригольдером) земли являются не традиционные собственники, а земельные корпорации аборигенов, созданные на основании закона 1976 г. Земельные корпорации состоят из аборигенов (не менее четырех), которые назначаются министром по делам аборигенов федерального правительства из числа предложенных местными земельными советами кандидатов. Фактически же и земельные корпорации не имеют права распоряжаться землей: все ответственные решения принимаются земельными советами аборигенов после консультаций с традиционными собственниками. На Северной Территории эти земельные советы как представительные организации аборигенов начали возникать еще до принятия закона 1976 г., который оформил их права и обязанности.

Официально признанных земельных советов три: Северный с центром в г. Дарвин, Центральный с центром в г. Алис-Спрингс и Островов Тиви (последний возник в 1980 г.). В земельных советах в качестве консультантов работают также антропологи, юристы, бухгалтеры, экономисты и др. Северный земельный совет в 1994 г. имел семь региональных отделений: в Кэтрин, Теннант Крик, Джабиру, Ньюланби, Накар, Борролулу и Тимбер Крик<sup>23</sup>. Деятельность советов контролируется федеральным министром по делам аборигенов. В их адрес поступают заявки на разведку или горнодобычу на землях аборигенов от различных горнодобывающих компаний, они же являются консультантами при использовании собственности аборигенов и т.д. Бюджет земельных советов формируется из 40% от общей суммы отчислений от прибылей горнодобывающих компаний, работающих на аборигенных землях.

Богатства недр по всей Австралии являются собственностью Короны, и земля аборигенов – не исключение. Ее нельзя продать, но можно сдать в аренду с разрешения министра по делам аборигенов и соответствующих земельных советов и земельных корпораций. Аборигены имеют право «вето» на промышленные разработки на своих землях. В то же время, если горнодобывающие компании настаивают на том, что такие разработки отвечают национальным интересам Австралии, генерал-губернатор Северной Территории может дать соответствующее разрешение (после рассмотрения обеими палатами Федерального парламента) без согласия традиционных собственников.

Закон 1976 г. не действует в отношении частных земель (с неограниченным правом собственности); земель, выделенных для общественных целей (в соответствии с законом 1955 г. и рядом других); общественных дорог; городских земель. Он применим только к землям Короны (фактически государственным землям), которые имеют две категории: отчужденные, т.е. находящиеся в данный момент в состоянии аренды – горнодобывающей, пастушеской или какой-либо иной, и неотчужденные, т.е. земли, не арендованные на момент выдвижения иска. Это в основном территории пустынь и полупустынь, непригодные для сельского хозяйства.

Аборигены автоматически получили право собственности на земли резерваций, в которых они жили на момент принятия закона 1976 г. Таким образом около 11 тыс. чел. сразу стали собственниками земли<sup>24</sup>. Сейчас почти половина аборигенных земель Северной Территории – это бывшие резервации, которые не являлись предметом земельных исков. Общая их площадь – 258 000 км<sup>2</sup>, включая земли Арнемленд и Дели Ривер<sup>25</sup>.

Аборигены получили право выдвигать исковые заявления на неотчужденные земли Короны, а также отчужденные, т.е. арендованные ими для ведения скотоводства или других сельскохозяйственных занятий. На Северной Территории большинство земель, бывших у аборигенов в аренде, обращены в земли со статусом наследственного неотчуждаемого владения на основании закона 1976 г.<sup>26</sup>

Для выдвижения иска необходимо подать исковое заявление на имя председателя Комиссии по землям аборигенов. Председатель Комиссии – это должность, учрежденная законом 1976 г.; действует в пределах Северной Территории, имеет федеральное подчинение; срок полномочий – 3 года; фактически является посредником между истцами, земельными советами, с одной стороны, и правительством Северной Территории и федеральным правительством, Верховным судом, с другой<sup>27</sup>. В иске содержится описание земли и указываются имена истцов. Второй этап – сбор всей необходимой информации и документации с помощью антропологов, на завершающем этапе работы – юристов (так называемое расследование). Документация включает в себя доклад антрополога – фактически научное исследование, сделанное на основании его полевой работы по схеме: описание исковой земли, история ее использования, модель традиционной системы землевладения аборигенов; его дополняют генеалогии истцов и их семей; сведения об истцах (дата, место рождения, принадлежность к роду – локальной наследственной группе, место жительства, основания

для иска); список и карта священных мест. Все документы конфиденциальны и публикуются лишь в случае передачи земли в собственность.

Главная цель антропологов – определить и показать, какую именно группу аборигенов можно считать традиционным собственником. Австралийские антропологи работают над одним иском довольно долго, до двух и более лет, собирая материалы исторического характера, разбираясь в генеалогиях, знакомясь со священными местами, отдельными церемониями. Вся информация в виде специального доклада передается председателю комиссии, который в процессе работы выезжает на территорию исковой земли. После проведенного расследования он пишет доклад с рекомендациями министру по делам аборигенов федерального правительства и в правительство Северной Территории. Содержание доклада включает информацию, собранную антропологами, а также специальные комментарии по представленным материалам: например, каков будет экономический эффект от передачи земли, ее возможные последствия. К делу привлекаются все юридические и физические лица, чьи интересы могут быть затронуты влиянием иска<sup>28</sup>. Со времени подачи иска до принятия решения могут пройти десятилетия.

Возьмем для примера доклад № 38 по земельному иску на часть территории Западной пустыни (площадью 45 × 185 км<sup>2</sup>, находится на границе Северной Территории с восточной частью штата Западная Австралия), поданному от лица 450 истцов, относящихся к 7 лингвистическим группам. На момент его подачи земля находилась в неотчужденной собственности Короны. Иск был подан в 1980 г. и рассматривался в течение 12 лет. Объект иска представлял собой обширную песчаную равнину, поросшую кое-где травой, колючим кустарником и небольшими деревьями с двумя постоянными источниками воды. За время более чем 100-летнего контакта с европейцами – скотоводами и золотодобытчиками – жившие здесь аборигены оказались вытеснены с традиционных земель. Время от времени они охотились в тех местах, занимались собирательством, проводили религиозные обряды. Расследование антропологов привело к заключению, что только три локальных наследственных группы из семи (всего 82 чел. из 450 истцов) официально могут быть признаны традиционными собственниками на небольшую часть исковой земли<sup>29</sup>.

Опыт Северной Территории выявил несколько типов конфликтов, порождаемых в процессе рассмотрения земельных исков, разделяющих аборигенное общество, которому и так еще далеко до единства<sup>30</sup>. Наибольшие проблемы возникают, когда истцы не согласны с самим основанием иска. Часто среди них существуют разные суждения о значимости территории, или их знания неполны, или они выражают свое отношение к территории по-разному. В октябре 1993 г. в Дарвине проходили судебные слушания по земельному иску пяти аборигенных групп (им помогали соответственно пять юристов и пять антропологов) на участок Вагат Северной Территории. Люди, подавшие иск, согласны с теми основаниями, которые содержатся в законе 1976 г., а именно с тем, что определенная группа владела и управляла территорией по которой путешествовали ее духовные предки, оставившие следы своего пребывания на земле в виде различных приметных мест. Они согласны со священным характером некоторых из них, но не сходятся в определении, где конкретно путешествовали предки, какие места наиболее важны и, таким образом, расходятся в самом главном: какие группы какой землей владели<sup>31</sup>. Спорные ситуации часто возникают в связи с необходимостью определения территориальных границ. Накладывающиеся, «плавающие» границы – не проблема для аборигенов, но проблема для законодательства. «Всегда исключительно трудно, – отмечает антрополог в докладе, – определить географические границы участка земли, за которые локальная наследственная группа несет основную духовную ответственность. Это не так трудно там, где есть приметные черты ландшафта, такие, как река или цепь холмов, за которые, говорят, какая-то другая группа несет ответственность, но в засушливых районах, где реки редки и расстояния между физическими объектами обычно очень велики, единственная задача – достичь согласия с помощью третьей стороны»<sup>32</sup>.

Остаются также проблемы незаконной земли децентрализованных групп аборигенов Северной Территории, т.е. участков, которые находятся в частной собственности или арендованы. Хотя и существует (с 1974 г.) специальный правительственный фонд для выкупа такой земли и передачи ее аборигенам, собственники обычно даже не хотят вести переговоры об этом<sup>33</sup>.

В 1979 г. был принят Закон о защите священных мест аборигенов Северной Территории, который способствовал их охране в районах строительства дорог, станций, других объектов.

По закону 1980 г. о земле аборигенов Северной Территории доступ посторонних людей на территорию традиционных собственников ограничен, для этого надо получить специальные разрешения, выдаваемые соответствующими земельными советами и их отделениями. Например, Северный земельный совет в 1992–1993 гг. выдал 14 594 разрешения<sup>34</sup>.

Некоторая эйфория от успехов в получении земли, наблюдавшаяся среди аборигенов в конце 1970-х – начале 1980-х годов, постепенно сошла на нет. В настоящее время на первый план вышли проблемы землепользования, которые сложны и неоднозначны. Здесь выделяется несколько блоков вопросов: эффективное управление собственностью, распределение прибылей, занятость.

Земли, принадлежащие аборигенам, используются по-разному. Большинство из них в настоящее время представляют собой пустыни и полупустыни, где невозможно ведение скотоводства и вообще, с точки зрения европейцев, трудно жить, хотя коренные австралийцы считают, что плохой земли нет<sup>35</sup>. На этих землях, согласно закону 1976 г., возможны занятия традиционными видами хозяйственной деятельности – охотой, собирательством, рыболовством и другими, если они не нарушают соответствующие законы по охране окружающей среды. Например, люди *ларакия*, на чьих традиционных землях был построен г. Дарвин с пригородами, владеют небольшим участком земли, где им разрешено вести ловлю черепах; во всех других местах им запрещено это делать; тем более это касается всех остальных жителей Дарвина. Но люди нуждаются и в продовольствии и в товарах, которые традиционные отрасли хозяйства не могут обеспечить, им надо получить образование, медицинскую помощь и т.д. В Австралии среди аборигенов высок уровень безработицы, большинство живет на социальные выплаты – пенсии, пособия и др. Поэтому встает проблема источника денежных поступлений. И здесь люди сами делают свой выбор, иногда, впрочем, под давлением земельных советов.

Многие аборигены в Австралии, в частности на ее севере, заняты производством различных традиционных изделий – сувениров, живописных работ как в традиционном, так и в смешанном стилях. Все это охотно раскупается туристами. В интересах производства и сбыта мастера объединяются в ассоциации, как, например, аборигены пос. Оенпелли в Западном Арнемленде. Другой пример – Ассоциация развития земли аборигенов, основанная Объединенной церковью. Она независима от таких правительственных организаций, как Комиссия аборигенов и островитян Торрессова пролива, через которую распределяются гранты в основном для аборигенных общин, не выходящих из-под государственного контроля. В ней объединились пять аборигенных общин Арнемленда с числом населения около 3 тыс. чел. Они являются собственниками сети магазинов, которыми управляет Совет компании, полностью состоящий из аборигенов. «Они умеют решать сложные проблемы, в том числе управления, умеют хорошо работать», – рассказывал один из белых консультантов компании, которая обеспечивает занятость местных жителей, имеет прибыли<sup>36</sup>.

На некоторых землях аборигенов, арендованных у них федеральным правительством, службой австралийских национальных и природных парков, расположены крупные национальные парки (например, Какаду, Нитмилук). Экологический туризм часто рассматривается как альтернатива горнодобыче, с точки зрения сохранности земли и получения прибылей, но сомнительно, что вся земля аборигенов может стать

большим природным парком. Кроме того, в развитие туристического бизнеса в экоприродных парках требуются крупные долговременные вложения, необходимы специальные программы для привлечения и воспитания гидов-аборигенов (сейчас по всей Австралии их насчитывается около 100 чел.). Основной доход аборигены Арнемленда получают не от развития туризма в национальном парке Какаду, а от разработок урана в районе р. Аллигатор. Отчисления от прибылей горнодобывающей компании выплачиваются местной ассоциации аборигенов. В конце 1985 г. они составили 12 млн. австралийских долларов, из которых 50% направлены на местное развитие и туризм<sup>37</sup>.

Земли аборигенов сдаются также в аренду горнодобывающим компаниям. Перед принятием законодательства 1976 г. и в течение первых 10 лет его функционирования руководители горнодобывающих компаний были серьезно обеспокоены тем, что при развитии движения австралийских аборигенов за возвращение им земли горнодобывающая промышленность придет в упадок. Как показали последующие годы, такие опасения были несостоятельны. Пример Северной Территории свидетельствует, что аборигены не против коммерческого развития и использования части их земель, особенно если у них нет других источников дохода. Первым соглашением с горнодобывающими компаниями было соглашение по урановым разработкам компании Рэйнджер, подписанное Северным земельным советом и федеральным правительством в ноябре 1978 г., что позволило разрабатывать урановые залежи в Джабиру, которые стали приносить доход с 1981–82 гг. По условиям соглашения, выплаты-отчисления составили 4,25% от стоимости производимой продукции, что дало аборигенам Северной Территории около 8 млн. австралийских долларов в год по ценам 1978 г. Горнодобывающая промышленность на землях аборигенов произвела продукции (минералов) на 875 млн. австралийских долларов, что составило 67% от прибылей Северной Территории в 1989 г. Добытый на землях аборигенов газ обеспечивает работу электростанций в Алис-Спрингсе, Теннант Крик, Кэтрине, Дарвине. В 1992 г. Северный земельный совет получил 44 заявки на горнодобычу на землях аборигенов, покрывающие в общей сложности 55 700 км<sup>2</sup><sup>38</sup>. К 1994 г. площадь аборигенных земель, на которых ведется разведка полезных ископаемых, составила 17 600 км<sup>2</sup><sup>39</sup>. Примерно на 10% аборигенной земли сейчас ведутся геологоразведочные работы (на неаборигенной земле – 13%, это сравнительно небольшая разница)<sup>40</sup>. В то же время закон 1976 г. является сдерживающим фактором для промышленных разработок так как лицензия на эксплуатацию не может быть выдана без заключения соответствующего письменного договора между министром по делам аборигенов и Земельным советом, с согласия традиционных собственников.

В закон 1976 г. под давлением представителей горнодобывающей промышленности несколько раз вносились исправления, наиболее существенные из которых были сделаны в 1987 г. Эти изменения модифицировали существовавшие административные и переговорные процедуры. Так, заявка, поданная от лица горнодобывающей компании на разведку или разработку земли аборигенов и содержащая подробное описание целей и последствий эксплуатации, поступает в соответствующий земельный совет и в течение ограниченного времени (30 дней) с ней должны быть ознакомлены все группы коренного населения, живущие в районе, где планируется разведка. Переговоры начинаются в том случае, если аборигены согласны на их проведение; срок, в течение которого традиционные собственники должны принять решение, довольно ограничен. Если в согласии отказано, следующая заявка на разведку (горнодобычу) той же компанией может быть подана по истечении пяти лет, но по инициативе землевладельцев этот срок может быть сокращен до двух лет<sup>41</sup>. И тем не менее представители горнодобывающей промышленности на Северной Территории в начале 1990-х годов снова начали добиваться неограниченного доступа на земли аборигенов.

Австралийских аборигенов, прямо вовлеченных в промышленность в качестве рабочей силы, очень мало; это закономерно для всех охотничье-собираТЕЛЬСКИХ

обществ в мире. Доходы, получаемые общинами путем отчислений от прибыли горнодобывающих компаний, считаются «пассивными». Австралийские антропологи призывают рассматривать эти прибыли как вполне нормальные, поскольку они считаются таковыми для всего остального австралийского общества<sup>42</sup>. Традиционные собственники получают 30% отчислений, 40% уходит в земельные советы, и остальные 30% остаются в Сберегательном банке аборигенов (Aboriginal Benefits Trust Account). Распределение прибылей внутри общин часто становится серьезной проблемой, что еще больше разделяет людей.

Годовой доход Северного земельного совета равняется примерно 8 млн. австралийских долларов<sup>43</sup>. За последние 15 лет земельные советы Северной Территории получили сумму около 100 млн. австралийских долларов. Большинство этих денег были потрачены на земельные иски, в результате которых для аборигенов получено 250 000 км<sup>2</sup> земли. Стоимость одного км<sup>2</sup> земли составила около 400 австралийских долларов; стоимость одного земельного иска – от 80 до 200 тыс. австралийских долларов. По мнению Й. Альтмана, такая стратегия денежных затрат является эффективной<sup>44</sup>.

В конце 1980-х годов развернулась пропаганда за создание материального благополучия аборигенов за счет доходов от сдачи земли в аренду горнодобывающим предприятиям; она приносит определенные успехи. Земельные советы Северной Территории, благодаря специфически составленному закону 1976 г., прямо заинтересованы в денежных отчислениях от прибылей горнодобычи и оказывают давление на группы традиционных собственников<sup>45</sup>. Эти советы, особенно Северный земельный совет, подвергаются общественной критике, так как не выдерживают сильнейшего давления транснациональных горнодобывающих корпораций, федерального правительства и правительства Северной Территории, подпадая под их влияние.

Купленные от имени аборигенов скотоводческие станции (с 1973 по 1992 гг. аборигены Северной Территории купили 17 лицензий) обращены частично в земли со статусом неотчуждаемого наследственного владения. На часть их предъявлены земельные иски. Опасения правительства состоят в том, что аборигены не смогут эффективно управлять ими, использовать с коммерческими целями. Опыт показывает, что на одних станциях аборигены продолжают вести коммерческое скотоводство, на других его забросили и перешли к охоте и собирательству, на третьих находятся в «промежуточном» состоянии<sup>46</sup>. Существуют объективные причины плохого положения дел на таких землях. Некоторые станции имели неудачное управление еще до передачи их аборигенам, в результате чего произошла деградация почвы, растительности, сложилось плохое положение со снабжением водой и т.д. Поэтому аборигены получают не только пришедшую в упадок скотоводческую станцию, но и нечто большее: «... это их собственная страна, где уничтожены все плоды труда их предков... Они получили страну, в которой пищи нет, вода загрязнена и исчезает, и где есть районы, так сильно деградировавшие, что неясно, могут ли они вообще восстановиться»<sup>47</sup>.

Аборигены Кимберли (штат Западная Австралия) испытывают те же трудности. 52% территории Кимберли заняты скотоводческими станциями: 22% этих территорий арендованы аборигенами. По законам Западной Австралии, если эта земля используется неэффективно, договор об аренде может быть прекращен; кроме того, ее нельзя перевести в неотчуждаемую наследственную собственность. Собрание аборигенов Кимберли в октябре 1994 г. проводилось на скотоводческой станции Андерсон. Аборигены ее содержат около 4 тыс. голов скота, для выпаса которого используют вертолеты. В то же время они продолжают охотиться и проводят инициации, поддерживая традиционный образ жизни.

Попытка Австралийского государства преодолеть патерналистскую политику, дистанцироваться от проблем аборигенов путем смещения акцентов на увеличение их собственной ответственности за принятие решений и расходование средств, на взаимоотношения общин аборигенов с горнодобывающими и иными компаниями,

посредническими организациями, несомненно, может быть признана удачной. В то же время возникает вопрос: реальна ли сама цель самообеспечения? Вывод, к которому приходят австралийские антропологи, не нов, в том числе и для российской действительности: концепция «самообеспечения», «самодостаточности» в отношении аборигенов не подходит, так как маловероятно, что доходы, получаемые аборигенными общинами от их предпринимательской деятельности, хотя бы в малой степени смогут покрыть те огромные расходы, которые затрачены и затрачиваются правительством на преодоление значительных «разрывов» в инфраструктуре, необходимой для осуществления такого «самообеспечения», – развитие транспортной сети, строительство жилья, водо- и электроснабжения; на организацию образования, здравоохранения и т.д. Выделение средств будет необходимо и в дальнейшем, но распределение их следовало бы вести разными путями. Выплаты аборигенам должны производиться непосредственно в общины, минуя разные правительственные бюрократические организации, – так считают и аборигены, и антропологи<sup>48</sup>.

К 1991 г. 34% земель Северной Территории (около 460 000 км<sup>2</sup>) были официально признаны аборигенными землями. Новые иски выдвинуты в основном на районы пустыни Симпсон. В 1992–93 гг. 10 260 км<sup>2</sup> были переданы земельным корпорациям аборигенов в соответствии с законом 1976 г.; из них 9280 км<sup>2</sup> были получены в результате земельных исков, 980 км<sup>2</sup> – в результате соглашений между федеральным правительством и правительством Северной Территории<sup>49</sup>.

К 1993 г. аборигены и островитяне Торрессова пролива по всей Австралии в той или иной форме владения (фригольд, аренда, резервные земли) имели в общей сложности 1 094 800 км<sup>2</sup>, что составляет 14,5% от площади всей территории Австралии, причем 536 тыс. км<sup>2</sup> (т.е. более половины) – на Северной Территории. Из них 516,8 тыс. км<sup>2</sup> – в неотчуждаемом наследственном владении (фригольд) и 19,2 тыс. км<sup>2</sup> – аренда (лицензии). Иное положение дел – в штате Западная Австралия, где земля коренных жителей имеет в основном статус резервной – 199,4 тыс. км<sup>2</sup> из 325,5 тыс. км<sup>2</sup>, находящихся в их владении. Права собственности на такую землю сильно ограничены. В Квинсленде в собственности аборигенов – лишь 42,2 тыс. км<sup>2</sup> земли, из них фригольд – 29,5 тыс. км<sup>2</sup>, лицензия – 18,9 тыс. км<sup>2</sup>, резервные земли – 2,8 тыс. км<sup>2</sup>. Это значительно меньше, чем во всех других штатах<sup>50</sup>.

Таким образом, опыт Северной Территории Австралии наряду с опытом австралийских штатов обеспечил хорошую стартовую позицию для практического решения земельного вопроса, разработки рекомендаций и определения конкретных механизмов передачи земли в собственность аборигенов на основании принятого в 1993 г. Федеральным парламентом Австралии Закона о праве собственности аборигенов.

Беспрецедентное решение Верховного суда касалось случая Эдди Мабо, коренного жителя о-ва Мюррей в Торрессовом проливе (штат Квинсленд), который еще в 1982 г. обратился в Верховный суд Австралии с целью добиться принятия юридического решения по признанию традиционных прав на землю острова, заявив, что о-в Мюррей и прилегающие острова всегда были заселены исключительно людьми *мериаи*, жившими постоянными общинами со своей собственной политической и социальной организацией. После десятилетнего расследования суд подтвердил их наследственные права на владение и распоряжение этой землей. Суд констатировал сохранность традиционных норм землепользования в определенных местах и над определенными видами земли: неотчужденной земли Короны, национальными парками (которые находятся на неотчужденной земле Короны) и на резервных землях. Закон о праве собственности аборигенов 1993 г. был утвержден обеими палатами федерального парламента и с января 1994 г. вступил в силу.

Что же это такое – наследственное право? Это традиционные земельные права и нормы аборигенов, сохранившиеся к концу XX в. Существует два основных признака его практики, на основе которых и строится работа по земельным искам: во-первых, группа истцов должна доказать, что она является потомком или наследником группы,

которая владела землей в 1788 г. (ко времени появления первых европейцев); вторых, эта группа должна сохранять непрерывную связь с землей. По-видимому, как считают некоторые эксперты в Австралии, иски, поданные по Закону о праве собственности аборигенов 1993 г. потребуют, по контрасту с Законом о земельных правах Северной Территории 1976 г., более глубокого исторического подхода, чтобы установить факт преемственности и ассоциативной связи с землей со стороны тех, кто подал иск. Особенно важен будет факт непрерывного проживания на земле, генеалогических связей с прежними землевладельцами<sup>51</sup>. Закон о коренном населении 1993 г. касается в основном тех аборигенов, которые сохранили традиционные связи с землей.

Вскоре после принятия закона были учреждены Национальный земельный фонд аборигенов и островитян Торресова пролива и Земельная корпорация аборигенов. Через земельный фонд будут делаться денежные ассигнования в земельную корпорацию для приобретения земли и управления ею. Земельная корпорация представляет собой независимую властную структуру, законодательно учрежденную и находящуюся под контролем аборигенов (из семи членов пять должны быть аборигенами). Корпорация выбирает стратегию и следит за тактикой использования земли. Правительство уже выделило фонду на 1994–1995 гг. 200 млн. австралийских долларов, из которых 25 млн. отведено на покупку земли<sup>52</sup>.

Северный земельный совет обратился в созданную в период между принятием законодательства в парламенте межведомственную комиссию с призывом к сохранению уже существующих земельных прав<sup>53</sup>. Федеральный отдел по делам аборигенов рекомендовал земельным советам Северной Территории, в свете принятия федерального закона 1993 г., ограничить число земельных исков, принимаемых к рассмотрению<sup>54</sup>.

Однако доказать непрерывность связи с землей во многих районах Австралии аборигенам сейчас практически невозможно. Слишком большим количеством бюрократических организаций и процедур обростает проведение закона в жизнь; открытыми остаются очень непростые вопросы по правам на прибрежную и морскую зоны, до конца неясно, будут ли приниматься иски на земли, арендованные скотоводами, и т.д. Но нельзя не видеть, в любом случае, искреннего стремления определенной части австралийского общества, и прежде всего антропологов, к справедливому урегулированию земельных проблем аборигенов. Это стремление подкрепляется и реальными делами<sup>55</sup>.

Процесс урегулирования земельных прав – один из этапов борьбы австралийских аборигенов за самоопределение. Рассматриваются различные сценарии развития<sup>56</sup>. Трудно сказать, как именно пойдет этот процесс – жизнь богаче, чем мы думаем. Ясно одно: впереди у аборигенов Австралии долгий и нелегкий, но справедливый и многообещающий путь.

#### Примечания

<sup>1</sup> *O'Faircheallaigh C.* Land rights and mineral exploration: the Northern Territory experience // *The Australian Quarterly*. Autumn, 1988. P. 70.

<sup>2</sup> *Lockwood K., McCarthy D.* Northern Territory // *The Australian Encyclopaedia*. V. VII. Sidney, 1983. P. 164–165.

<sup>3</sup> *Australia's Aboriginal and Torres Strait Islanders Population 1991 Census*. Australian Bureau of Statistics. Catalogue № 2740.0 P. 2.

<sup>4</sup> *Hugo G.* Atlas of the Australian People Northern Territory. 1986 Census. Canberra, 1991. P. 27.

<sup>5</sup> *Australia's Aboriginal and Torres Strait Islanders Population 1991 Census*. P. 3–4.

<sup>6</sup> *Coombs N.C., Dexter B.G., Hiatt L.R.* The Outstation Movement in Aboriginal Australia // *Politics and History in Band Societies*. Cambridge, 1982. P. 428.

<sup>7</sup> *Bodley J.H.* Victims of Progress. Mountain View. P. 168.

<sup>8</sup> *Раззакова Э.М.* Коренные жители Австралии и проблема эксплуатации недр // XVI науч. конф. по изучению Австралии и Океании. Тезисы докл. М., 1985; *Артемова О.Ю.* Прошлое и настоящее коренных

австралийцев // Расы и народы. 1980. Вып. 10; Кабо В.Р. Аборигены Австралии // Вопр. истории. 1984. № 6.

<sup>9</sup> В горнодобывающей промышленности на Северной Территории доминируют несколько транснациональных компаний: в 1986 г. четыре основные вырабатывали до 75% всей продукции. См.: O'Faircheallaigh C. Mining and Economic Development in the Northern Territory: What We Know, What We Need to Know // North Australian Research: Some Themes and New Directions. Darwin, 1991. P. 62–63.

<sup>10</sup> Lockwood K., McCarthy D. Op. cit.

<sup>11</sup> Артемова О.Ю., Поуз Ф. Аборигены Австралии: новый этап борьбы за земельные права // Сов. этнография. 1986. № 1. С. 32–46.

<sup>12</sup> Peterson N. Capitalism, Culture and Land Rights: Aborigines and the State in the Northern Territory // Social Analysis. 1985. V. 18. P. 85–101.

<sup>13</sup> Aboriginal Land Rights (Northern Territory) Act 1976. Canberra, 1977.

<sup>14</sup> Peterson N. How to Recognise the Claimant: Individuals, Representatives and Groups // Proof and Management of Native Title. Summary of Proceedings of a Workshop. Canberra, 1994. P. 2.

<sup>15</sup> Беридт Р.М., Беридт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981; Поуз Ф. Аборигены Австралии: традиционное общество. М., 1989; Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным). М., 1987; Шнирельман В.А. Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским данным) // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 83–109.

<sup>16</sup> Артемова О.Ю. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 40–70; *её же*. К проблеме собственности на землю у первобытных охотников и собирателей (по австралийским и африканским материалам) // Исследования по первобытной истории. М., 1992. С. 43–55; Семенов Ю.И. Об «архаическом обществе», классогенезе, политогенезе и еще о десятке подобного же рода сюжетов // Восток. 1993. № 5. С. 197–209; Шнирельман В.А. Охотники и собиратели в конце XX века (по материалам VII Международного конгресса по традиционным культурам охотников и собирателей) // Этнографич. обозрение. 1994. № 4. С. 140–144.

<sup>17</sup> Maddok K. Anthropology, Law and the Definition of Australian Aboriginal Rights to Land. Nijmegen, 1980.

<sup>18</sup> Keen I. Conflict in Aboriginal Land Tenure // Proof and management... P. 29.

<sup>19</sup> Mataranka Area Land Claim. Report № 29. Canberra, 1990. P. 19–20.

<sup>20</sup> Rose D.B. Dingo Makes Us Human. Life and Land in Australian Aboriginal Culture. Melburn, 1992.

<sup>21</sup> Артемова О.Ю., Поуз Ф. Указ. Раб. С. 37–38.

<sup>22</sup> В современных условиях под фригольдом понимают небольшой участок (надел) земли, площадью не более 1–2 га; предполагается, что такая земля имеет высокую рыночную стоимость, в зависимости от которой взимается налог. Теоретически фригольдом можно владеть вечно, но на практике так бывает не всегда. См.: Поуз Ф., Шенс Б. Борьба австралийских аборигенов за земельные права и «культ» Труганини // Сов. Этнография. 1985. № 1. С. 65; Артемова О.Ю., Поуз Ф. Указ. раб. С. 36.

<sup>23</sup> Northern Territory Land Council Annual Report. 1992–1993. Darwin, 1993. P. 5.

<sup>24</sup> Jonas B., Langton M. The Little Red, Yellow, and Black Book / A Short Guide to Indigenous Australia. Canberra, 1993. P. 49.

<sup>25</sup> Crough G.F. Aboriginal Land and Development in the Northern Territory // Discussion Paper. Darwin, 1992. № 7. P. 20.

<sup>26</sup> Ibid.

<sup>27</sup> Aboriginal Land Commissioner. Report for year ended 30 June 1992. Canberra, 1992. P. 1–2.

<sup>28</sup> Western Desert Land Claim. Report № 38. Canberra, 1992. P. 4; Mataranka Area Land Claim... P. 98.

<sup>29</sup> Western Desert Land Claim... P. 83.

<sup>30</sup> Proof and Management of Native Title... P. 47.

<sup>31</sup> Keen I. Op. cit. ... P. 27.

<sup>32</sup> Western Desert Land Claim... P. 31.

<sup>33</sup> Артемова О.Ю., Поуз Ф. Указ. раб. С. 74.

<sup>34</sup> Northern Territory Land Council Annual Report. 1992–93. P. 50.

<sup>35</sup> Rose D.B. Op. cit. P. 42–57.

<sup>36</sup> Arnhemland Progress Association. Annual Report. Darwin, 1992.

<sup>37</sup> Young E. Australia, Canada and Alaska: Land Rights and Aboriginal Enterprise Development // The Challenge of Northern regions. Darwin, 1991. P. 220.

<sup>38</sup> Crough G. Op. cit. P. 34.

<sup>39</sup> Native Title Newsletter. Canberra, 1994. № 8. P. 8.

<sup>40</sup> Northern Territory Land Council Annual Report... P. 39.

<sup>41</sup> O'Faircheallaigh C. Land rights and mineral exploration... P. 82.

<sup>42</sup> Proof and Management of Native Title... P. 68.

<sup>43</sup> Northern Territory Land Council Annual Report... P. 50.

- <sup>44</sup> *Altman J.* Economic Implications of Native Title: Managing Money Effectively // Proof and Management of Native Title... P. 87.
- <sup>45</sup> *Артемова О.Ю.*, Роуз Ф. Указ. раб. С. 45; *Раззакова Э.М.* Указ. раб. С. 18 и др.
- <sup>46</sup> *Young E.* Op. cit. P. 217.
- <sup>47</sup> *Rose D.B.* Pastoral Conversions // Proof and Management of Native Title... P. 63.
- <sup>48</sup> *Ibid.* P. 67; Northern Land Council Annual Report... P. 53.
- <sup>49</sup> Northern Land Council Annual Report... P. 11.
- <sup>50</sup> *Ross D.B.* Management of Yested and Acquired Properties: an Overview // Proof and Management of Native Title. P. 53.
- <sup>51</sup> *Sutton P.* The Relative Strengths of Oral and Written Evidence // *Ibid.* P. 21.
- <sup>52</sup> Native Title Newsletter. № 6. (1993). P. 1. Canberra, 1994.
- <sup>53</sup> Northern Land Council Annual Report... P. 51.
- <sup>54</sup> Native Title Newsletter. № 4. P. 1. Canberra, 1994.
- <sup>55</sup> *Kabo V.* Contemporary Problems of the Northern and Far Eastern Peoples of the Union of Soviet Socialist Republics in an Australian Perspective // Australian Aboriginal Studies. 1992. № 2. P. 58.
- <sup>56</sup> *Jull P.* The Politics of Northern Frontiers. Darwin, 1991. P. 22; Aboriginal Self-Determination in Australia. Canberra, 1994.

## A.A. S i r i n a. Returning Land to Aborigines

The article deals with the problem of settlement the aborigines' rights on the territory of North Australia within the bounds of the Australian new national self-determination policy. The author analyzed the North Aborigines' Rights of 1976 and its influence on the problems of aborigines. The article gives the consideration to some questions of using the aborigines' lands. This problem wasn't practically considered in Russian literature on Australia. The author makes an attempt to stress the real problems of Australian aborigines-farmers. The experience of North Australian was useful for forming of the functioning mechanisms of Native Title Act 1993.

© 1998 г., ЭО, № 3

**Ю.П. Ш а б а е в**

### **ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ**

Национальные движения у финно-угорских народов России сформировались или были воссозданы на рубеже 1980-х – 1990-х годов, что явилось следствием демократизации общественной жизни. Они не только быстро политизировались, но и стали интегрироваться, сами вырабатывая или воспринимая со стороны общие идеи для своих политических доктрин. Создание или воссоздание этих движений (некоторые из них называют себя правопреемниками организаций, сформированных в 1917–1918 гг.) – это не результат внутриполитических процессов развития республик и автономий с финно-угорским населением (речь идет о Коми, Удмуртии, Коми-Пермяцком автономном округе, Мордовии, Марий Эл и отчасти Карелии), а своеобразная реакция национальной интеллигенции на снятие официального «табу» с критического обсуждения проблем национального развития народов бывшего СССР.

Побудительными мотивами к возникновению различных национальных организа-